

ГАЛИНА ГОЛИЦЫНА

НЕПРАЗДНИЧНЫЙ САЛЮТ

АГЕНТСТВО «АНГЕЛЫ» - 2

Агентство «Ангелы»

Галина Голицына
Непраздничный салют

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Голицына Г.

Непраздничный салют / Г. Голицына — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Агентство «Ангелы»)

Дамы, доверяйте своей интуиции! Настя Колоскова, юная богатая вдовушка, недолго думала, прежде чем кинуться за помощью в детективное агентство "Ангелы". А поводом послужили лишь издохший на ее глазах котенок да обломок кирпича, свалившийся на голову во время утренней пробежки. Ерунда, конечно, мелочи, но... клиент всегда прав. Детективы Анечка и Феликс, вздыхая и вежливо улыбаясь, берутся за анекдотичный случай. Однако через два дня, когда под всполохи фейерверка убивают Настину сестру, сыщики начинают видеть глубокий смысл в мелочах жизни...

© Голицына Г.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Галина Голицына

Непраздничный салют

Дмитрию Голицыну, моему сыну, с любовью и благодарностью за помощь!

Я сидела и мечтала у открытого окна. Лето было в разгаре, но особой жары, слава тебе господи, не наблюдалось. Погода стояла самая что ни на есть средняя для нашей весьма средней полосы: тепло, сухо, лёгкий ветерок не даёт образоваться духоте. Я думаю, что в раю погода предусмотрена именно такая.

Может, на верхних этажах, особенно в панельных домах, сейчас и жарковато, но наше детективно-охранное агентство «Ангелы» расположено на первом этаже древнего дома, так называемой «сталинки», и это счастье! Во-первых, дом кирпичный, а значит, зимой хорошо сохраняет тепло, а летом – благословенную прохладу. Во-вторых, первый этаж всегда прохладнее последнего, потому что сверху жарит солнце и устраивает в квартире духовку, а здесь, внизу, идёт сырость от земли. И самое приятное: дому нашему уже лет пятьдесят от роду, а то и больше, поэтому опоясывающая его зелень тоже давняя, мощная, имеет вид непроходимых джунглей и очень способствует сохранению приятного микроклимата в нашей конторе.

Целую неделю никто не навевывался в наше агентство со своими бедами, работы не было никакой, и мы заскучали.

Мы – это я, Ермолаева Анна Тихоновна, и мой братец, носитель нордической внешности и гордого немецкого имени Феликс Арнольдович Штосс.

Феликс, который дома отзывается на имя Федя, парень очень из себя видный. Он – натуральный блондин с классическими и очень, на мой взгляд, приятными чертами лица. Росточком, правда, он не дотянул до двух метров, но совсем чуть-чуть: сантиметра три, не больше. Так что если Федя, задумавшись, стоит посреди улицы, его вполне можно принять за античную статую.

Я, конечно, богатырским ростом похвастать не могу, да мне это и ни к чему. Мне выпало родиться женщиной, поэтому каких-то потрясающих физических данных от меня никто не ждёт. Я все свои поединки выигрываю исключительно с помощью ума и сообразительности.

Мы с братом являемся совладельцами агентства «Ангелы». Любой человек, впервые услышавший о том, что мы с Феликсом – брат и сестра, обычно смеётся и кивает: оценил, мол, шутку. Но фокус в том, что это – не шутка. Это правда. У нас с Феликсом – одна мама, но разные отцы. В жизни такое случается сплошь и рядом. Но мы с братом от мамы унаследовали разве что недюжинный ум, деловую хватку и способность мыслить аналитически, а вот внешностью удались каждый в своего отца, поэтому заподозрить в нас родственников невозможно. Кто-нибудь другой на нашем месте, может, и расстроился бы, но только не мы! Мы всю пользуемся нашей непохожестью.

Например, совсем недавно у одного нашего «подшефного», Игната Игнатова, я почти две недели прожила в домработницах – ну, чтобы он и дома был под охраной нашего агентства, – а никто ничего не заподозрил! Причём Феликс в это время навевывался к Игнату, решал с ним возникающие проблемы, я же, в свою очередь, тоже решала проблемы Игната, только в тылу. И ни клиент, ни его окружение, – никто ни о чём не догадался. Это позволило нам расследовать дело в кратчайшие сроки, спасти жизнь и репутацию Игната Игнатова, а злодея, который прикидывался его лучшим другом, спровадить на скамью подсудимых.

Во время этой операции я познакомилась и подружилась с Липочкой, влюблённой в Игната, и с Кириллом, который оказался одновременно одноклассником Игната и родным братом Олимпиады, то бишь Липочки.

Однако после этого дела заказов к нам в агентство не поступало. Никто ни за кем не охотился, никто никому не угрожал. То ли летняя жара мешала преступникам разбойничать, то ли эти самые преступники отправились разбойничать по курортам – уж не знаю. Только наступило в нашем городе Тимофеевске затишье. Полный штиль.

По причине абсолютного отсутствия клиентов мой брат и партнёр по детективной деятельности укатил с друзьями на загородную рыбалку, оставив меня на хозяйстве.

И вот теперь я сижу и скучаю у окошка.

Итак, надо что-то делать. Во-первых, просто скучно сидеть без работы. А во-вторых, за работу вообще-то люди нам деньги платят, а деньги, как известно, ещё никому никогда не помешали. А вот отсутствие этих самых денег обычно мешает в жизни, да ещё и как!

Клиенты, где вы? Ау-у!

Сейчас в агентстве находилось три живых существа: я, наша секретарша Глафира и чёрная муха исполинских размеров с жутко скандальным характером.

Муха эта была не только скандальная, но ещё и глупая до невозможности. Она с маниакальным упорством таранила оконное стекло. Должно быть, надеялась его пробить и выбраться наружу. Однако стекло, конечно, стояло насмерть. Муха раз за разом повторяла свои наскоки, громко и возмущённо жужжа при этом. Должно быть, её жужжание ей самой казалось грозным и страшным рёвом, и этим рёвом она надеялась испугать противника. Но стекло нисколько её не боялось.

По какой-то необъяснимой бестолковости муха, таранившая правую половину окна, в упор не видела, что левая-то половина открыта настежь – лети, куда хочешь! Но муха этого не замечала. Может, левый глаз у неё с детства не видел, а может, она лишилась его в неравной борьбе со стеклом.

Когда у меня от бесконечного жужжания стали сдавать нервы, я попыталась направить бестолковую воительницу на путь истинный, то есть взмахом руки несколько раз подряд подгоняла её к левой створке, открытой. Бесполезно. Муха возмущалась ещё больше, жужжала ещё громче и неукоснительно возвращалась к правой закрытой створке. А вернувшись, продолжала так же увлечённо таранить стекло, которое в месте её наскоков уже, кажется, прогнулось.

Во дворе, куда выходило наше окно, вдруг возникло видение: барышня рекламной внешности. Очень красивое лицо, необыкновенно стройная фигура, роскошные светлые волосы – картинка, да и только! Я бы приняла её за живое существо, но видение было огромного роста, несоразмерное с обычными людьми, и только по этому признаку я догадалась, что передо мной – мираж.

Прекрасный мираж проплыл перед моими глазами и скрылся не то за углом дома, не то просто растаял в сочной зелени.

Помнится, я читала где-то, что это – довольно странное, но не такое уж редкое явление: изображение может переноситься на большие расстояния. Посреди моря вдруг может возникнуть изображение каравана, пересекающего пустыню, а в пустыне, наоборот, запросто может возникнуть призрак корабля. Говорят, именно это явление лежит в основе легенды о Летучем Голландце – парусном корабле, летящем по воздуху. Он появляется ниоткуда и так же внезапно исчезает.

Вот что случается от безделья: призраки мерещиться начали! Хоть бы один клиент нарисовался на нашем горизонте... Ну пускай бы даже самый завалыщенький, только бы пришёл! А то у меня от этой сонной скукотищи под мушиный аккомпанемент уже крыша ехать начинает.

А что, если попробовать все эти новомодные – а точнее, хорошо забытые старые – эзотерические штучки, фэн-шуй и всякие разности.

Ну, как там у них принято: действие следует за мыслью. Значит, надо представить себе, что у нас появились клиенты. Вот они приходят, рассказывают о своих бедах, просят нашей помощи, платят нам аванс...

И не успела я представить эту упоительную картину, как ко мне в комнату ввалилась Глафира и прошептала:

– Аня, ты не спишь? К нам клиент явился. Примешь?

– Нет, назад его отправлю! – окрысилась я. – Что за дурацкий вопрос! Ждём клиента, как манны небесной, а когда он приходит, сомневаемся – нужен ли он нам? Зови давай!

Глаша пожала плечами и скрылась за дверь. Через двадцать секунд вернулась и привела с собой клиента. А в качестве клиента... Нет, в это невозможно поверить! В качестве клиента явилось то самое моё недавнее видение рекламной внешности.

Мелькнувшая во дворе девушка показалась мне огромного роста. Теперь я поняла: не показалось. Входя в комнату, девушка инстинктивно пригнулась. Видно было, что она в дверях всегда машинально пригибается. Ну, с таким-то ростом...

И как нарочно, будто специально для того, чтобы оттенить её гигантский рост, рядом с ней встала наша Глаша – пигалица, которой господь при рождении отмерил всего-то полтора метра. Рядом они смотрелись ну очень колоритно!

– А-а... – начала было я, подняв глаза на её недосыгаемую высоту.

– Метр восемьдесят пять, – ответила барышня, предвосхищая мой вопрос. – Это если без каблуков.

– А каблуки зачем носите? – совершенно искренне удивилась я. – Вам хочется быть ещё выше ростом?

– Не в этом дело, – терпеливо объяснила девушка. – Я очень люблю удлиненные юбки, платья летящего силуэта, а к такой одежде ни мокасины, ни кроссовки не подходят. Обувь без каблуков подходит к мини-юбкам, но на мне они смотрятся очень вызывающе.

– Так ведь можно брюки носить! С ними прекрасно сочетаются и кроссовки, и мокасины.

– В брюках летом жарко, – вздохнула девушка.

Я развела руками:

– Ну, тогда не знаю, чем вам помочь... А, вот, придумала! Древние гречанки и римлянки носили сандалии на плоской подошве, а их хитоны были подлиннее наших мини-юбок. И ничего, сочеталось!

– Я подумаю над этим. Спасибо за совет, – серьезно сказала колоритная девушка.

– Всегда пожалуйста, – поклонилась я, не вставая. – Что-нибудь ещё? Или вы только за этим советом приходили?

– Ой, что вы! – спохватилась посетительница. – Нет, конечно... Слушай, тебя как зовут?

– Аня, – представилась я. – А тебя?

– Я – Настя. Анастасия. У меня большая проблема. Хочу воспользоваться услугами этого вашего агентства.

– Пользуйся, – кивнула я великодушно.

– А с кем мне об этом поговорить?

– Со мной. Всё равно больше никого тут нет. Да ты не смотри, что я молодая и с виду щуплая. Я, между прочим, являюсь одним из владельцев этого агентства. А второй владелец – мой брат, только он сейчас отсутствует, так что придётся тебе иметь дело со мной. Итак, большая, что вас беспокоит? Какая беда привела к нам?

Настя наконец-то села, отчего мне стало гораздо легче дышать. Теперь мне при взгляде на неё не приходилось запрокидывать голову, а это уже само по себе – большое удобство.

Она положила ногу на ногу, обняла руками колено и задумчиво уставилась в противоположную стену.

Я понимала, что человеку надо собраться с мыслями, сосредоточиться, а потому не торопила её. Настя копалась в себе, отыскивая нужные слова, а я спокойно разглядывала её.

Рост у неё, конечно, выдающийся, но, кстати, не только рост. Она вся какая-то выдающаяся. И личико-то у неё кукольное, причём не такое, как было у кукол моего детства, а такое, как у нынешних Барби-Синди. И массу её волос так и тянет назвать «копной», «гривой» или ещё как-нибудь. И глаза у этой барышни сверкают, как заправские драгоценные камни. И вся она так пропорционально, так удачно сложена, что это не она рядом со мной выглядит великаншей, а я рядом с ней чувствую себя так, как, наверное, пони чувствует себя рядом с породистым скакуном.

Кстати, волосы у неё от природы, может, и светлые, однако всё равно потрудились она над ними немало. Общий цвет не был однороден, он складывался из разноокрашенных прядок: ржаная, пшеничная, янтарная, платиновая. А все эти оттенки вместе давали бесподобный светло-медовый цвет. Этот цвет, надо признать, невероятно точно подходил к её зеленовато-голубым глазам. То есть если бы глаза были голубые, то волосы – в идеале – должны были быть золотистые. Если считать, что глаза у неё всё-таки больше зелёные, то волосы бы подошли рыжеватые. А так как цвет глаз находился ровно посередине между голубым и зелёным, то и цвет волос она выбрала идеальный: ровно посередине между золотым и рыжим. То есть – медовый.

Устав любоваться стенкой, Настя вздохнула:

– Спасай меня, Аня.

– От кого? – уточнила я.

– Ха! – расцепила она руки и воздела их к небу. – Да если бы я знала, от кого, так уж сама бы себя спасти смогла. А так...

Она безнадежно махнула рукой и снова обняла собственную коленку.

Я ещё немножко помолчала – из вежливости, но продолжения рассказа так и не последовало.

Тогда я стала задавать наводящие вопросы.

– Тебе кто-то угрожает?

– В том-то и дело, что нет! – выкрикнула она с такой горечью, что я даже удивилась.

– А из чего ты сделала вывод, что тебе угрожают?

– Ну как тебе сказать... Тут надо начать издалека. Ты слушать-то будешь?

– Буду, и очень внимательно. Это же моя работа, – пожала я плечами.

– Ну, слушай. Я раньше была замужем. Мужем моим был Колосков Валентин Михайлович. Слышала о таком?

– Колосков, Колосков... – забормотала я, собираясь с мыслями.

Настя сжалась надо мной:

– Я помогу тебе. Колосков был достаточно крупным бизнесменом. У него был колбасный бизнес. Фирма «Мясная лавка».

Тут я встрепенулась:

– Это тот, которого убили?

– Никто его не убивал. Он сам в себя выстрелил.

Я скептически улыбнулась:

– Ты в это веришь?

– Я не просто верю, я это знаю наверняка. И тебе тоже советую поверить. Дело в том, что свой пистолет он чистил едва ли не чаще, чем собственные зубы. Это вообще было его любимым занятием. И начинал всегда одинаково: поворачивал пистоль дулом к себе и заглядывал в отверстие. Уж сколько его ругали за это друзья, сколько я на него кричала, – беспо-

лезно всё было. Я спрашивала, что он там, в этом тёмном отверстии, увидеть хочет. А он мне всегда отвечал, что ему так прикольно. Ну, и доприкалывался. Патрон, значит, в тот раз остался в патроннике, а он снова развернул оружие дулом к себе. Как так получилось, что пистолет выстрелил, я объяснить не могу, потому что сама там не была. Это ж не дома случилось, а в офисе. Ну, набежали там криминалисты всякие, следователи, понапридумывали кучу версий – кстати, одна другой глупее. И так его смерть крутили, и эдак, но сошлись на том, что это – несчастный случай. Трагическая, так сказать, случайность.

– Но обыватели тогда остались в полной уверенности, что это – заказное убийство, инсценированное под самострел, – осторожно вставила я.

Она согласилась:

– Обыватели и до сих пор так считают. Им же сенсацию подавай! И, конечно же, чем крупнее бизнесмен, тем крупнее должна быть сенсация, тем страшнее версия! Милиция, правда, больше подозревала самоубийство, но это тоже неправда.

– Откуда знаешь?

– Ну, откуда... Муж всё-таки! Я бы почувствовала, если бы у него неприятности были. Но ничего такого не было. Мы через пару недель собирались в Прагу ехать, посмотреть тамошние красоты. Конечно, и по колбасным делам планировались встречи, но Валентин таких встреч запланировал всего две, а поездка наша была рассчитана на неделю. Мы мечтали походить по улицам старой Праги, пообедать в маленьких ресторанчиках, попить там чешского пива, попить кофе в знаменитых кофейнях... Эх, да что теперь говорить...

– Ну, поездка планировалась загодя, а может, накануне у него что-то случилось?

– Ничего не случилось. Он за пять минут до трагедии позвонил мне домой и попросил приготовить его любимые рыбные котлеты.

– Колбасник любил рыбные котлеты? – изумлённо уставилась я на неё.

– Представь себе. А чего ты удивляешься? Люди, всю жизнь посвятившие изготовлению колбасы, в конце концов начинают её ненавидеть. И колбасу, и мясо вообще. Многие переходят целиком на растительную пищу. Мой, правда, до вегетарианства не докатился, просто перешёл на рыбу. Ну, в этот раз, я же сказала, он не просто жареную рыбу, а котлеты рыбные заказал. А я как раз в ванной была, так ответила, что приготовлю, конечно, но не раньше, чем через час. А он мне и говорит: ладно, вот через час я и приеду. Короче говоря, я из ванны вылезла, пошла к плите, а он, видимо, чтобы время скоротать, решил снова пистолет свой почистить. Ну, и почистил...

– А голос был нормальный? Не тревожный, не угнетённый?

– Да спрашивали меня уже об этом сто раз! Нормальный был голос, даже весёлый. Правда, голодный. Он, может, рассчитывал прямо сразу ехать домой ужинать, но я отсрочила ужин на час, вот так и получилось... С тех пор казнюсь, простить себе не могу! Но не из-за котлет же он застрелился...

– Я тоже думаю, что не из-за котлет, – согласилась я. – Настя, ты уж прости, что я ворошу прошлое, лезу в ваши дела, но раз ты связываешь те давние события с сегодняшними, я должна всё знать досконально. От меня, как от врача или священника, ничего скрывать нельзя, иначе зря потратишь и деньги, и время.

– Да деньги – не проблема. Вот время – дело другое. Время нам, Анечка, терять нельзя, иначе меня убьют, и никто тебе ничего тогда не заплатит. Так что спрашивай, что хочешь узнать.

– Настя, а кто обнаружил тело твоего мужа?

– Его телохранитель.

Хорошо, что в данный момент я ничего не ела и не пила, а то бы точно подавилась или захлебнулась.

– У него был телохранитель?!

– Даже два. Они работали по очереди: сутки один, потом сутки – другой. А что тебя так удивило? Многие сейчас личную охрану нанимают...

– Ну, это ты мне можешь не рассказывать, этим как раз наше агентство занимается. Меня другое удивило: где же в момент трагедии был этот бодигард?

– А он с охранниками ляссы точил на входе. Потом выстрел услышал, в кабинет ринулся, охранники с поста тоже за ним побежали. Ну, и увидели конец фильма...

– А почему же телохранитель не находился рядом с хозяином?

– Говорит, что тот отпустил его покурить-оправиться. Кстати, это вполне может быть правдой, потому что было воскресенье, в здании офиса никого не было – ну, кроме двух секьюрити на дверях, моего мужа и его телохранителя. Кого ему было бояться? Вполне вероятно, что Валик сам прогнал свою тень, чтобы тот не маячил перед глазами.

– Так что и версия заранее спланированного самоубийства, и версия заказного убийства исключаются полностью? – уточнила я.

– Да, полностью, – вздохнула она.

– Так, с мужем закончили. Теперь плавно переходим к тебе. Что случилось с тобой?

– Со мной случилось уже два раза. Ну, то есть, происшествия эти какие-то странные, но наводят на мысль...

– Давай по порядку, – распорядилась я.

– Даю по порядку. Дней пять назад Варенька – это моя подруга – принесла мне в подарок малюсенького котёнка. Ну, чтобы мне в доме веселее было. Я же одна живу. Так Варя решила, что котёнок скрасит моё одиночество. Честно сказать, я очень обрадовалась такому подарку! Котёнок был такой милый, такой сладкий, такой беспомощный... У него глазки только-только открылись. Он тыкался мордочкой нам с Варюшей в ладони и жалобно пищал. Я прижала его к себе, думала, что успокоится, но он продолжал пищать. Лапки такие крошечные, и коготки ещё прятать не умел, они за всё цеплялись. Столько ниток из домашнего халата он этими коготками мне выдернул! Ну, в общем, плакал он так, плакал, – маму, должно быть, звал. И тут Варя догадалась, что он, наверное, кушать хочет.

– Мне кажется, знакомство с любым животным начинают именно с кормёжки, – тактично вставила я. – А без еды ни с кошкой, ни с собакой подружиться невозможно...

– Ну да, и мы тоже об этом вспомнили. Я вытащила из холодильника пакет с молоком, налила в крышечку от банки с кабачковой икрой. Я вообще эту икру с детства обожаю, и крышки там удобные – с резьбой, высокие такие. То есть глубокие... Словом, нашему котёнку – в самый раз. Он стал молочко лакать, а мы с Варюшей умильно за этим наблюдали. И вдруг котёнок икнул, странно как-то покачался из стороны в сторону, потом упал рядом со своей кормушкой, судорожно вытянулся и затих.

Настя утёрла одним пальцем выкатившуюся слезинку и замолчала.

Я налила в пластиковый стаканчик минеральной воды и протянула ей. Она взяла воду, благодарно улыбнулась и одним махом осушила стакан.

– Мы с Варей сначала не поверили, что он умер. Потом убедились, что не шевелится и даже не дышит. Сидели над котёнком и озадаченно смотрели друг на друга. А что тут скажешь? Потом я предположила, что котёнок был изначально больной. Спросила у Вари, где она его раздобыла. Оказалось – на птичьем рынке купила. Говорит, что там их семь штук продавалось от одной кошки, этот был самый резвый и здоровенький на вид. Так чего б ему через час после этого издохнуть?.. Потом я подумала, что молоко было из холодильника, слишком холодное для такого малыша. Но Варя сказала, что если бы котёнок тоже так думал, то просто не стал бы его лакать, а подождал, пока оно нагреется в комнате.

– Не слишком ли много вы ожидали от такой крохи? – усомнилась я.

Настя пожала плечами и продолжила:

– И ещё мы с ней подумали, что от слишком холодного молока котёнок мог бы, например, простудиться. Или бы у него мог случиться... этот... Ну, словом, у него могла бы разладиться работа кишечника.

– Ты имеешь в виду понос? – уточнила я.

Настя порозовела:

– Ну, в общем, да. Но ни им, ни простудой котёнок просто не успел заболеть. Он умер как-то молниеносно. И тут Варька как закричит: это молоко несвежее было! Схватила пакет, вылила остатки молока в унитаз, а сам пакет швырнула в мусорное ведро. Я ей не поверила, потому что пакет вскрыла дня четыре назад, оно, знаешь, такое, долго хранящееся. Так вот я и так просто его пила, и в кофе добавляла, и ничего не почувствовала. Свежее было молоко! Хотя, если подумать... Такому крошке много ли надо... В общем, вынесли мы котёнка на помойку, всплакнули над ним, да и забыли об инциденте.

Итак, я поняла, что с котёнком Настя закончила. К чему она вообще о нём рассказывала?

Настя протянула мне опустевший стаканчик. Я снова наполнила его минералкой. Она снова залпом её выпила и продолжила рассказ:

– А сегодня утром я, как обычно, отправилась на утреннюю пробежку. У меня есть привычный маршрут. Я пробегаю ровно два километра, потом останавливаюсь в укромном местечке, за гаражами, минут двадцать делаю зарядку, потом снова пробегаю те же два километра, и тогда уже – домой. Сегодня я, как всегда, добежала до гаражей. Там, за гаражами, стала делать зарядку. Сделала приседания, наклоны, потом решила вспомнить молодость и пройтись колесом. Я в детстве гимнастикой занималась, и довольно успешно, а потом бросить пришлось: рост больно мешал. А сегодня такое утро хорошее, и настроение у меня было замечательное, и людей вокруг не было ни души... Это очень важно, чтобы людей вокруг не было, а то засмеют ещё...

– Так что же случилось? – вернула я её в нужное русло.

– А, так вот... Я отошла на пару шагов, чтобы разгон взять, и в ту же секунду буквально в то самое место, где я только что стояла, шмякнулся огромный кусок какого-то строительного блока, что ли... Я так испугалась, что не передать! И рванула оттуда как можно быстрее.

– Так, понятно. Что ещё такого замечательного случилось в твоей жизни?

– Ничего пока, – пожалала она плечами. – Мне кажется, и так немало. Я до сих пор никакой опасности не чувствовала. А сегодня, когда этот бетонный обломок упал чуть-чуть не на меня, у меня будто в голове выключатель щёлкнул, и мозги залило ярким светом. Сразу я вспомнила и котёнка, который скоростно скончался по неизвестной причине, и про мужа вспомнила. Вот ведь какая штука получается, Аня: я на сто процентов уверена, что никто в него не стрелял, что имела место действительно трагическая случайность, а после издохшего котёнка и упавшего чуть ли не на голову куса бетона я готова поверить, что Валентин погиб не случайно. Может, его тоже убили?..

Она зашлась в плаче.

– Отставить истерику! – рявкнула я командным голосом.

Настя от неожиданности дёрнулась, но плакать и в самом деле перестала. Я ещё раз налила ей воды. Пока она пила, я думала.

– Настя, а при чём здесь котёнок? Его, конечно, жалко, я не спорю, но какое отношение этот котёнок имеет к смерти Валентина Колоскова и сегодняшнему бетонному блоку?

Златовласка округлила глаза:

– Аня, ты что, не понимаешь? Его же отравили!

– Кого? Колоскова?

– Да при чём здесь Колосков! Котёнка отравили!

– Позволь узнать – где, когда и чем? А главное – зачем? Чтобы тебя напугать? Абсурд. Ты что, так сильно боишьсядохлых котят?

Настя подняла обе руки, призывая меня к тишине. Потом собралась с мыслями и сказала:

– Мне кажется, я очень сумбурно рассказывала, поэтому упустила самое главное. О котёнке же я вспомнила вот по какой причине: отравлен он был тем самым молоком, которое лакал за минуту до своей смерти.

Я откинулась на спинку стула:

– Что значит «тем самым молоком»? Мне помнится, молоко ему налила ты. Из своего собственного холодильника. А до этого молоко ты сама пила, и ничего с тобой не случилось. Значит, либо ты сама его отравила, что само по себе абсурдно, либо молоко здесь вовсе ни при чём.

– А вот и при чём! – заартачилась Настя. – Я же его пила только за четыре дня до этого, а потом поставила пакет в дверцу холодильника и забыла о нём. Вспомнила тогда только, когда Варя животинку эту притащила. Котёнок умер буквально в процессе поглощения молока. Значит, молоко было отравлено!

– Кем? Варей? Только она знала, что несёт тебе в подарок котёнка. Только зачем ей было надо убивать его?

Настя всплеснула руками:

– Аня, ты точно работаешь детективом? Смотри, по миру пойдёшь... Варя здесь не виновата. Молоко было отравлено без всякой связи с котёнком. Ещё до того, как этот котёнок у меня появился.

– Зачем?

– Да чтобы этим молоком отравилась я!

– А кто отравил?

– Вот это нам с тобой и надо выяснить!

Я согласилась:

– Хорошо, давай думать. Кто мог это сделать?

– Ой, да кто угодно! У меня за те несколько дней столько народу в доме перебивало! Я теперь даже и не вспомню, кто именно был в те дни.

– У тебя дома что, проходной двор?

– Почему это проходной двор? – обиделась Настя. – Просто у меня часто люди бывают – кто-то по делу заходит, а кто-то просто так, в гости.

– И ты считаешь, что кто-то из твоих гостей мог подсыпать в молоко отраву?

– Вполне может быть, – горестно вздохнула она. – А может, и не гости. Может, в моё отсутствие кто-то тайно проник в мою квартиру и совершил это злодеяние. Котёнок погиб случайно. По всей видимости, отравиться должна была я. Но теперь уже ничего не докажешь. Молоко Варя вылила, и пакет мы выбросили.

Я предложила:

– А давай-ка лучше поговорим о сегодняшнем происшествии. Что это за гаражи? Это гаражный кооператив? Он ограждён? Охраняется? Туда могут зайти только свои или кто угодно?

Настя скривилась:

– Никакой это не кооператив. Так, дикие постройки. Люди просто на пустыре выстроили себе хранилища для своих обожаемых автомобилей. Но зато это не примитивные «ракушки», а добротные кирпичные домики. Я всегда за ними прячусь, чтобы не привлекать к себе внимание.

– Это далеко отсюда? Можем, сходим и осмотрим место происшествия?

– Давай, – согласилась она. – Здесь недалеко, пешком дойдём минут за двадцать, если быстрым шагом. Ну, или за тридцать, – добавила она смущённо, вспомнив, что шаги у нас с ней скорее всего сильно отличаются.

Выйдя в приёмную, я сказала Глафире, что ухожу с клиенткой на неопределённое время. Если вдруг Феликс объявится по телефону, сказать ему, что появилась работа, пусть мчится сюда на всех парах.

Глаша кивнула: поняла, дескать, – и углубилась в чтение потрёпанной книжечки в мягком переплёте. Опять детективчик читает! Ну что ты будешь с ней делать?..

А что делать, если и в самом деле нечего делать? Единственная клиентка уходит со мной, и телефон вовсе не разрывается от звонков. Остаётся только книжки читать, кругозор свой расширять.

Глафира, поступая к нам на службу, призналась, что с раннего детства обожает детективы. В том нежном возрасте, когда дети, с большим трудом освоив сказку про репку, только начинают путаться в персонажах «Колобка», наша Глаша уже на память знала всего Конан Дойля. Ну, не романы его, понятное дело, а рассказы о славном сыщике Шерлоке Холмсе. По крайней мере, нам с Феликсом она сказала именно так. Поэтому и на работу к нам пришла. Она думала, что здесь попадёт в водоворот захватывающих событий и блестящих расследований, а попала в сонное царство. Вот и приходится девушке скрашивать серые будни книжечками в ярких обложках.

Уйдя из агентства, мы с Настей побрели в ту сторону, где находился тот самый пустырь с гаражами. Жары сильной не было, но мы всё-таки выбирали теньевую сторону улицы. Потом, когда все улицы закончились и не стало больше домов, отбрасывающих такую приятную тень, мы стали передвигаться короткими перебежками от деревца к деревцу.

По дороге Настя продолжала рассказывать мне о своих страхах и подозрениях. Из её рассказа я поняла, что она после смерти мужа осталась не просто вдовой, а очень состоятельной вдовой. В наследство от мужа она получила всю крупную колбасную компанию в безраздельное пользование, поскольку оказалась единственной наследницей. Доходы от этой компании позволяли ей вести жизнь прямо-таки роскошную, но она этим не злоупотребляла. Только пару раз в году выезжала на престижные курорты, да каждую зиму покупала себе новую шубку, как это было заведено при жизни Валентина.

– Это сколько же у тебя шуб скопилось? – ахнула я.

– А я вовсе не коплю их. Я их раздариваю.

– Кому, интересно?

– Сётрам. У меня родных сестёр нет, зато есть двоюродные: и со стороны отца, и со стороны матери. Они обе безмужние, так я их поддерживаю материально по мере сил.

– Похвальная щедрость. А ещё говорят, что богатые люди бывают жадными. Теперь вот вижу, что далеко не всегда!

Так, за приятной беседой, мы и подошли к гаражам.

Это действительно оказался самострой. Десятка полтора кирпичных гаражей на пустыре жались боками друг к дружке. Сейчас, в середине дня, около гаражей не было ни души.

Я спросила:

– А по утрам здесь так же малоллюдно?

– Нет, по утрам, конечно, люди сюда приходят, машины разбирают. Я поэтому зарядку делаю там, с тыльной стороны, – махнула она рукой, показывая, где именно обычно делает зарядку.

Мы обошли гаражи. Сюда выходили только глухие стены. Все гаражные ворота остались с той стороны.

– Вот здесь я всегда делаю упражнения. И сегодня тоже, как обычно. А он ка-ак грохнется! Я – бежать!

Она поёжилась, вновь переживая тот ужас.

Я подняла голову и прошлась вдоль всего ряда, рассматривая гаражные крыши. Гаражи эти все были выстроены на один манер: плоская крыша, к воротам – повыше, а сюда, к задней стенке, сделан скат.

– Где именно ты стояла?

Настя уверенно показала место, где всё произошло. На мой взгляд, отличить это место от любого другого по соседству было невозможно.

– Уверена?

– Ещё бы! Вот же мой снаряд!

Она вытащила из маленького зазора между стенами двух соседних гаражей сучковатую палицу и продемонстрировала её мне.

Я оторопела:

– Ты же сказала – снаряд. А это что такое?

– Ну, это моя гимнастическая палка. С ней очень удобно делать упражнения, но не могу же я каждый день тащить с собой на пробежку настоящие снаряды из дому. А эту я нашла на земле, она меня вполне устраивает. Возьму её, позанимаюсь, – она сделала пару упражнений, показывая, как именно занимается с этим «снарядом», – потом снова сюда суну, и она ждёт меня до следующего раза.

По тут и там выступающим кирпичинкам я попыталась было взобраться на крышу, но мне это не удалось. Эх, Феликса нет, жалко! Он бы мне сейчас очень пригодился.

– Слушай, – обратилась я к Насте, – а нельзя ли здесь найти ящики какие-нибудь пустые, коробки?

– Зачем это?

– Понимаешь, я наверх забраться хочу, посмотреть, что там и как.

Она пожала плечами:

– Так давай я тебя подсажу!

Схватив за талию, она рывком подняла меня, и я уцепилась руками за край крыши. Потом она подставила мне под пятую точку плечо. Это дало мне дополнительную опору. Подтянувшись на руках, я всё-таки влезла на крышу, благо здесь, с тыла, она была значительно ниже, чем спереди.

Конечно, крыша эта, как и любая крыша, за которой никто не присматривает, имела вид миниатюрной помойки. Здесь были и белые кляксы птичьего помёта, и прилипшие к ним полуистлевшие бумажки, занесённые сюда ветром, и прошлогодние листья ржавого цвета, и прочий мусор. Но один предмет здесь был явно чужеродный, причём по всему было видно, что попал он сюда недавно. Это был большой ком смятой плотной бумаги, по виду – обёрточной.

Я поперекатывала его ногой по крыше туда-сюда. Неизвестно, как долго он здесь находится. В отличие от прошлогодних блеклых листочков эта бумага выглядит более-менее прилично, как будто появилась здесь недавно. Но как именно «недавно»? Непогода справилась бы с ней быстро, однако в последние дни не наблюдается ни дождя, ни ветра. Может быть, эта бумага попала сюда неделю назад, а может, только сегодня.

Второй вопрос – зачем она здесь? То, что её отнюдь не ветром сюда забросило, – очевидно. Кто-то специально доставил бумагу на крышу, причём не в сложенном виде, а именно в виде такого вот бесформенного кома. А кто доставил? Понятное дело, не аисты. Только человек. И доставил, по всей видимости, для того, чтобы за этим комом спрятаться.

Хорошо, от этого и будем плясать. Злоумышленник принёс сюда эту бумагу, спрятался за ней и нанёс Насте удар сверху в надежде её погубить.

Нет, неверно. Бумага бы в этот момент наверняка зашуршала, и блокометатель выдал бы себя. Значит, бросать тяжёлый предмет из-за этого кома, который шуршит и привлекает к себе внимание, – глупость несусветная.

– Настя, – крикнула я вниз, – ты в то время, когда упражнения делала, не слышала шуршания или прочих подозрительных звуков сверху?

– Ничегошеньки не слышала, – покачала она головой.

Правильно, не слышала. Да и не могла слышать, потому что ком этот лежит у другого края крыши – поближе к воротам. Значит, мы можем предположить, что несколько дней подряд преступник прятался за этим бумажным комом и просто изучал Настин утренний график: когда она появляется у гаражей, сколько времени здесь проводит, чем занимается. А увидев, что она свою так называемую «гимнастическую палку» прячет всегда в одном и том же месте, злоумышленник именно здесь, на этой крыше, и организовал свой наблюдательный пункт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.